

УЛЫБКА СОЛДАТА

Берегите себя, а приеду, во всем помощником вам буду. Потрудились вы за свою жизнь немало, пора и отдохнуть...

Прощальные слова Валерия Кузнецова, сказанные им родителям перед отправкой в армию

Письмо было обычным по содержанию и коротким, как и два десятка других.

“Здравствуйте, дорогие папа и мама! У меня все нормально. А как живете вы? <...> Берегите свое здоровье, ведь оно дороже всего, да его если потеряешь, то уже обратно не вернешь...”

Раиса Алексеевна отложила в сторону вязанье, задумалась.

“Какой ты у меня заботливый, сыночек. Себя-то береги. Только что же который уж день больно жмет сердце? Да и сны ночами странные снятся. Заболела? Или несчастье какое?”

Порывом апрельского ветра вдруг распахнуло неплотно притворенные двери. “Господи! И крючка нет закрыть”. Нашла веревку, приставила ухват – удержит. А мысли вновь вернулись к неприятному давнишнему сну: Валерий на пороге родного дома – и вцепившийся в него рыжий кот. “К добру ли? Дети вроде все устроены, да и от Валеры письмо было совсем недавно. Что же так неможется?”

В деревне о гибели младшего сына Кузнецовых знали уже все. Не знала пока только мать. Прибегавшая поутру за каким-то делом соседка столь страшную весть сообщить не решилась: Александр Федорович только что из больницы, да и сама Раиса Алексеевна недомогает, а оба сердцем плохи. Да надолго ли скроешь?

“...Ваш сын, старший разведчик рядовой Кузнецов Валерий Александрович, выполняя боевое задание, верный воинской присяге, проявив стойкость и мужество, был тяжело ранен и умер 13 апреля 1984 года”.

Прошло уже почти восемь лет, но до сих пор воспоминание о том страшном дне, когда она читала похо-

ронку, заставляет болезненно сжиматься сердце Раисы Алексеевны. А память вновь и вновь воскрешает далекие дни.

Рос он прямо-таки не по дням, а по часам. Необидчивый, веселый, все поет что-то да насвистывает, да бегом бежит. А рожала его тяжело, через шесть лет после младшенькой дочери. Всех пятерых дома рожала, а тут в больницу пришлось. Не думали уж врачи, что живой останется, а вот спасли. А уж каким сын помощником стал, как подрос. Из школы – да прямо к матери, на ферму.

Два километра до школы ребята пробегали быстро. Это если дорогой – далеко, а напрямую, лесом по тропинке – рукой подать. Шли когда вдвоем-втроем, а иногда и целой компанией. Почти четыре десятка учеников было в Студенцове. Из каждой семьи по нескольку детей сразу в школу ходили. Кузнецовских ребятшек по этой тропинке бегало шестеро.

Учился Валера посредственно, да и нелегко было парню: семья большая, много приходилось помогать родителям. Мать всю жизнь работала в животноводстве. Как ей без сыновней поддержки?

Были в школе и занятия по труду, связанные с животноводством. Так Валера во все глаза смотрел, во все уши слушал, чтобы не упустить ничего из того, что объяснял учитель. Видимо, уже тогда решил, что останется дома, будет работать в сельском хозяйстве, и заранее готовил себя к этому.

На ферме все ему было знакомо. С малолетства чуть ли не ежедневно приходил сюда с матерью. Всех коров по кличкам знал. Помогая матери грузить и вывозить навоз, Валерий скороговоркой пересказывал школьные новости: “По литературе вот – опять тройка, зато по трудам – пять”. А сам уже был мыслями возле тракторов, что пахали за ближним леском. Сколько раз он представлял себя в кабине железной машины! Как завидовал трактористам, по-хозяйски чувствовавшим себя за рычагами! Нет, старшие не отказывают, бывает, дают и борозду пройти, и в моторе покопаться, но совсем другое дело, когда ты трактору полный хозяин. “Ничего, – думалось, – вот закончу школу, тогда посмотрим! И председатель обещает трактор дать...”

Мало кто из его одноклассников еще всерьез задумывался о своем будущем, а Валерий уже твердо знал: останется дома и будет работать в колхозе. Торопился

парень взрослеть, спешил стать нужным людям. Да и точила мысль: “Сколько на шею родителей сидеть можно?”

В Кадников уезжал радостный: СПТУ-3 дает профессию механизатора широкого профиля. Именно то, к чему он и стремился. Годы учебы пролетели незаметно, и вот снова он дома, теперь уже “дипломированный специалист”, полноправный член колхозного коллектива, поддержка и опора отца с матерью.

Отсрочка от армии была вынужденной, в колхозе “Красносибирском” хронически не хватало механизаторов. Председатель упросил дать возможность отработать парню в хозяйстве два года.

Повестка пришла в сентябре. Самое напряженное время в колхозе: страда, каждый человек на счету. С сожалением отпускали Валерия: “После армии – опять к нам. Обязательно!”

Мог бы и не говорить этого председатель. Уезжал Валерий, не сомневаясь, что, отслужив положенные два года, вновь вернется сюда, где родился и вырос, где начал самостоятельную жизнь.

Всякие слухи ходили тогда об Афганистане, не было только точной и достоверной информации. Это потом, чуть позже, когда и до Верховажья дошли похоронки, когда люди своими глазами увидели запаянные намертво гробы, в Афган стали провожать со слезами и причитаниями. А в 1983-м отцы и матери еще даже и не предполагали, какая опасность грозит там их детям. Поэтому, обрадовавшись письмам сына из Ленинграда, из Туркмении и встревожившись, когда пришел солдатский прямоугольник из Кабула, Кузнецовы быстро успокоились, регулярно получая бодрые и оптимистичные вести от Валерия.

“Здравствуйте, мои дорогие папа и мама! Служба моя идет нормально, здоровье тоже. Коллектив хороший, земляков много. <...> Погода стоит здесь теплая, и снег увидели только в Кабуле. А из Кабула поехали в Джелалабад. И службу буду здесь проходить до конца. За меня, пожалуйста, не беспокойтесь, все будет нормально, берегите свое здоровье...”

Откуда могли знать родители, что если Кабул считался “тылом”, то Джелалабад был настоящей передовой. А в письмах сын лишь изредка и очень скупно рассказывал о своей службе.

“<...> Сейчас занимаемся, идут тактические учения, лазим по горам. Так нормально, только жарко, температура под 30 тепла, а летом еще жарче будет, но ничего, потихоньку привыкнем...”

“...Немного о себе. Служба и здоровье – нормально. Занимаемся своим делом, ходим на задания. Погода стоит теплая, правда, ночью похолодней. Но в палатках топим печки, так спать тепло. С гражданским населением не общаемся, да их почти и не видим...”

Это уже потом, от других людей родители узнают, что значит “нормально”. Ранние подъемы, марш-броски, рейды, длившиеся по несколько суток подряд, ночевки где придется, после которых многоместные солдатские палатки казались родным домом; постоянное напряжение в ожидании выстрела неизвестно откуда; перестрелки, потеря товарищей, с которыми жили бок о бок. А кругом – враждебные незнакомые горы и жаркий ветер среди зимы.

Одно из “заданий” (Валерий почему-то любил это выражение, часто употреблял его в письмах) закончилось для него трагически. Засада!.. Он еще жил, когда его на себе выносили товарищи из-под огня мятежников, он еще жил, когда его положили на госпитальную койку, он еще жил, когда врачи уже потеряли надежду спасти его. Он жил еще сутки.

Двенадцать гробов доставил в Вологду выполнивший дальний рейс самолет, двенадцать похожих как близнецы гробов. И только сопровождавшие могли сказать, в каком кто лежит.

Сотни верховожцев шли в тот день за машиной с гробом погибшего земляка, шли, вместе с его родными и друзьями переживая горе. А с фотографии на могильном памятнике улыбался симпатичный парень в лихо сдвинутой набок панаме с красной звездочкой. Эту его улыбку видят теперь школьники Рогновской восьмилетней школы, когда приходят в класс, где когда-то учился он.

У Александра Федоровича теперь два ордена Красной Звезды. Один свой, заслуженный во время Великой Отечественной войны, другой – сына, которым тот награжден посмертно за мужество и стойкость. Две почти одинаковые эмалевые звездочки. Только между ними сорок лет пролегло.

В. Басов